

Е. М. Воробьев

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ

Резюме

У статті розглядаються підсумки двадцятирічного розвитку пострадянських країн, необхідність і можливість здійснення процесу економічної модернізації у деяких з них.

Summary

The article sums up the results of a two decade development of post-soviet countries, analyses the necessity and possibility of economic modernization in some of them.

Ключевые слова: модернизация, стратегическая матрица, догоняющее, опережающее развитие, мобилизационный процесс, экономическая элита.

В наступившем 2011 году отмечается юбилейная дата – двадцатилетие нового этапа в развитии постсоветских стран. Для одних – дата трагическая – распад Советского Союза, потеря единственной для них Родины. Для других – дата торжественная, двадцатилетие «самостийности» с разной степенью независимости, для третьих – геополитическая реальность, которая требует нестандартных, новых подходов в выстраивании отношений с новыми странами, являющимися скорее объектами, чем субъектами международных отношений. За двадцать лет существования некоторые из постсоветских стран так и не определили стратегию своего развития на ближайшую и отдаленную перспективу, поэтому и носит их по геополитическому пространству-океану, прибывая то к одному, то к другому берегу.

Вместе с тем двадцатилетие – это значительный этап в развитии любой страны, тем более такой, которая никогда в своей истории не знала государственности. И обычно к юбилею принято подводить некие итоги, отмечать успехи, достигнутые на новом этапе развития страны, сравнивать их с предыдущим периодом, намечать стратегию на обозримую перспективу.

Ретроспективный взгляд в недавнее прошлое десятков стран Европы, Азии, Америки дает возможность оценить двадцатилетие как период, за который многие из них добились весьма внушительных

результатов в экономической, социальной, политической, культурной областях.

Показательным будет этап, за точку отсчета которого можно взять 1945 год – год окончания Второй мировой войны. Разрушенные боевыми действиями страны Западной Европы, атомной бомбардировкой Япония, к 1965 году не только восстановили довоенный уровень, но и значительно превзошли его в экономической, научно-технической, социальной сферах.

Не зазорно будет обратиться и к опыту отечественному. По признанию политических лидеров СССР, страна отставала в начале 20-х годов XX столетия от стран Запада в уровне развития производительных сил, образования, науки, культуры на 100–150 лет. К началу формирования Советского Союза страна была преимущественно крестьянской с традиционным патриархальным укладом. Промышленность, главным образом доиндустриального типа, которая создавалась в Российской империи в конце XIX – начале XX века, была разрушена в период революции, гражданской войны, военной интервенции 1917–1920 годов.

К 1940 году, практически с нуля, в СССР была создана промышленность, не уступавшая (как показали дальнейшие события и, прежде всего итоги Второй мировой, для нас – Великой Отечественной войны) странам Запада, в том числе Германии. Были построены тысячи новых индустриальных предприятий – металлургических и машиностроительных, десятки электростанций, созданы учреждения образования, науки, культуры. Страна сплошной неграмотности и малограмотности за двадцать лет решила не только эту проблему, но и подготовила многие тысячи высококвалифицированных специалистов для индустрии, научных и образовательных кадров.

Следующее двадцатилетие – 1945–1965 годы. Страна вновь на подъеме, восстановлено разрушенное войной народное хозяйство (буквально за 7–10 лет), созданы новые отрасли и новые технологии в производстве, в том числе аэрокосмическая. Беспрецедентный прорыв в развитии науки и технологии – через 12 лет после войны СССР осуществил запуск первого в мире искусственного спутника, а еще через четыре года – запуск пилотируемого космического

корабля. Первый космонавт Земли – Ю. А. Гагарин. 50-летие этой даты мировая общественность отмечает в 2011 году.

Развивалась социальная сфера, жилищное строительство, культура, образование, наука. Значительное внимание уделялось социально-экономическому развитию национальных республик и областей.

Эти и другие впечатляющие успехи хорошо видны на примере СССР. Не только в областях и регионах, входивших в состав СССР изначально, но и присоединенных в результате геополитических перемен после разгрома гитлеровской Германии. Волянь, Галичина, другие области Западной Украины, а также Буковина были крайне отсталыми в экономическом отношении регионами с преимущественно малограмотным населением. За 20 послевоенных лет в этих регионах были построены промышленные предприятия, школы, больницы, научно-исследовательские и проектные институты, библиотеки и другие учреждения культуры. А главное – в них стала формироваться национальная интеллигенция, развиваться литература, поэзия, изобразительное искусство и т. д.

Увеличивалось число специалистов с высшим образованием, в том числе кандидатов и докторов наук. Безграмотность и малограмотность остались в досоветском периоде. Такой за 20-летие стала Украина. Эти факты не может опровергнуть ни одна политическая сила современной, ставшей формально независимой Украины. Они – эти факты – общеизвестны и не требуют подтверждения данными статистических сборников. Хотя фальсификаторы недавней истории и пытаются замолчать или извратить их для нового поколения украинцев. (Мы не затрагиваем трагические страницы недавней истории, политические извращения, которые отягощали позитивные преобразования.)

А теперь рассмотрим кратко итоги двадцатилетнего развития Украины. Первое десятилетие было откровенно провальным, уровень деградации – катастрофический. Обобщающими показателями развития страны является прирост валового внутреннего продукта, объема промышленного производства. За 1991–2000 годы ВВП Украины, объем промышленного производства уменьшились почти на три четверти, нарастал процесс деиндустриализации страны. Что

же явилось причинами столь разрушительных процессов, охвативших не только Украину в эти годы, но и другие постсоветские страны? Их много, но одна из главных, ортодоксально либеральная модель, которую навязал этим странам Запад, и некритическое, непрофессиональное проведение реформ внутренней, так называемой элитой.

Романтические представления о рыночной экономике как о системе, которая, лишь только она придет на смену центрально-управляемой советского типа, как все социально-экономические проблемы будут решены, повергла экономику постсоветских стран в хаос и разруху. Беспрецедентное падение темпов экономического развития в 90-е годы, гиперинфляция в тысячи процентов в этих странах явились следствием небольшевистских методов формирования псевдорыночных отношений. Эти методы основывались на лозунгах «рынок за 500 дней», «шоковая терапия – основа рыночных преобразований» и т. п. В проведении реформ утвердились идеи рыночного фундаментализма, то есть система взглядов, абсолютизирующая способность рыночного механизма поддерживать экономику в состоянии перманентного равновесия, отрицающая сколько-нибудь значимую регулятивную роль государства в экономике.

Свой вклад в разрушение экономического потенциала постсоветских стран внесли западные экономисты, финансисты из МВФ, приглашенные в качестве советников и экспертов. Воспитанные на идеях рыночного фундаментализма, эти специалисты ориентировали правительство Украины, России, других стран на демонтаж методов государственного регулирования.

Рынок и частная собственность, утверждали они, возродит разрушенную экономику в кратчайший срок. Это потом вышла книга Дж. Сороса «Кризис мирового капитализма», где он писал: «Центральное утверждение этой книги состоит в том, что рыночный фундаментализм представляет сегодня большую опасность для открытого общества, чем тоталитарная идеология» [1, с. 31]. Но псевдореформы свое дело уже сделали.

Трудно однозначно оценить и второе десятилетие. Но наиболее верным будет термин «нестабильность», который и в 2011 году определяет внутреннюю, и в немалой степени внешнеполитическую

жизнь современной Украины. Ниже будут рассмотрены конкретные показатели социально-экономического развития страны. Здесь же следует привести только один факт. Украина за двадцатилетие независимого развития так и не достигла уровня 1990 года, который она имела в составе СССР, являясь одной из самых развитых республик Советского Союза.

Польский ученый и политический деятель Г. Колодко в своей, получившей широкую известность работе, иронизирует: уровень 1990 года Украина достигнет в 2017 году – в год столетия Великой Октябрьской революции [2, с. 76]. Какие основания для столь «оптимистического» заключения?

Если оставить иронию, какими возможностями располагает Украина для успешного развития на ближайшую и более отдаленную перспективу? Воспользуемся «стратегической матрицей» – девяти-факторной моделью, дающей в определенной степени возможность оценить потенциал страны, ее шанс занять и отстаивать свое место в системе мирового хозяйства на геополитической карте мира, решать социальные и иные жизненно важные внутренние задачи страны.

Среди базовых факторов следующие:

1. Управление как обобщающий фактор эффективности общественной системы.
2. Территория страны.
3. Природные ресурсы.
4. Население.
5. Экономика.
6. Культура и религия.
7. Наука и образование.
8. Вооруженные силы.
9. Внешняя политика.

На основе обобщенной оценки факторов определен интегральный показатель мощи (ИПМ) государства. Идеальная модель – девятигранник, вписанный в круг с равномерным, но по возможности развитым уровнем мощи [3 с. 47–48].

Оценка рейтинга Украины по ИПМ – 26-е место из 100 стран мира с коэффициентом 2, 98.

Проанализируем коротко эти базовые факторы для Украины. Наиболее слабое звено – управление. Не напрасно этому фактору отведено в «стратегической матрице» первое место.

До 2010 года – года президентских выборов – не будет преувеличением квалифицировать управление страной как значительно разбалансированное. Парламент был практически недееспособным, так как в отсутствие коалиции, представляющей большинство, невозможно принять сколько-нибудь значимые законы. Два центра власти, правительство и администрация Президента, нейтрализовали решения друг друга, что усиливало хаос в управленческой вертикали. Коррупция, и не только в государственном аппарате, и сегодня зашкаливает. Украина – страна, в которой коррупция утвердилась на ментальном уровне. Она пронизывает все поры общественного организма: экономику, политику, образование, науку, культуру, медицину, быт, милицию, суды, прокуратуру. Но главная опасность в том, что сформировалась система коррупции и утвердилась сверху-донижу – от так называемой элиты самых верхних этажей власти до «пересичного» гражданина.

Правовое поле, на котором проклюнулись редкие всходы каких-никаких законов, Конституции, судопроизводства, растоптано политиками, озабоченными переделом собственности и власти.

В 2010 году избран новый Президент. Осуществлен возврат к Конституции 1996 года, предшествовавшей «оранжевым» событиям. Укрепляется вертикаль власти, противостояние между президентской администрацией и правительством – в прошлом. В парламенте – президентское большинство. Налицо все условия для налаживания эффективного управления. Последующие события покажут, насколько эти условия будут реализованы.

Второй фактор интегрального показателя мощи – территория. С точки зрения геополитики Украина расположена исключительно удачно. Получив в наследство от Советского Союза нефте-, газо- и аммиакопроводы, транспортные коридоры из Азии (через Россию) в Западную Европу, Украина увеличила свой экономический потенциал как транзитная страна. Однако неэффективное управление и однобокая внешняя политика, инспирированная США и направленная на

конфронтацію с Россией, вопреки собственным интересам, приводит к тому, что потенциал транзитной страны не только не реализуется, но и находится под угрозой полной потери.

Предоставим слово В. Горбулину, консультанту, специалисту по вопросам геополитики: «Для нас новая энергетическая ситуация опасна уже тем, что в процессе передела и перекраивания глобального рынка энергоресурсов Украина с ее достаточно серьезным транзитным потенциалом фактически осталась на его обочине. Активное строительство новых транзитных маршрутов стремительно обесценивает украинские трубопроводы. Украина не принимает никакого участия в интенсивном энергетическом диалоге. Ведь после скандальных событий 2005–2006 гг. наша страна обрела стойкую репутацию «слабого звена» в Евразийской системе транзита энергоресурсов. «В обозримой перспективе, – заключает В. Горбулин, – мы вообще можем оказаться лишними в этой цепи» [4, с. 6]. Газовый скандал 2008–2009 года делает еще более реальным прогноз Советника.

Третий фактор – природные ресурсы.

Для Украины – это земля, главное и основное средство производства сельского хозяйства. «Посади оглоблю – вырастет тарантас», характеризовал плодородие украинских черноземов классик. За минувшее с того времени более чем полтора столетия уникальные черноземы потеряли значительную часть своего плодородия. Необратимые процессы деградации почв усилились в последние 15–20 лет. Нарушение агротехники, игнорирование севооборотов, многократное уменьшение удобрений привело к тому, что в Украине ежегодно теряется 350–600 млн тонн грунта, а с ним 11–20 млн тонн гумуса – основы почвенного плодородия.

Четвертый фактор – население.

За годы независимости население Украины сократилось на 6 млн человек, столько же на заработках в России и на Западе, по индексу развития человеческого потенциала, включающего продолжительность жизни, уровень образования и ВВП на душу населения, мы ниже уровня 1990 года (Украина – 0,766, Россия – 0,795, Германия – 0,930, США – 0,944). Продолжительность жизни для мужчин – 60 лет, для женщин – 72 года.

ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долларах США: Украина – 7,0, Белоруссия – 10,6, Россия – 14,7, Евросоюз – 32,7.

Пятый фактор – экономика. Очень емкий, требующий отдельного разговора. Приведем только один пример. Эффективность экономики (ВВП на единицу потребляемой энергии) в 2,5 раза ниже показателя Польши, в 3 раза – США и Китая, в 4,5 раза – Японии. Структурная деформация за годы «самостийности» усилилась. По сравнению с 1991 г. резко возросла доля материало- и энергоемких отраслей (горно-металлургической, топливно-энергетической, химической и нефтехимии) – с 23% до 60%. Доля материало- и энергоемких отраслей в украинском экспорте составляет более чем 60%, более 40% приходится на черную металлургию. Эта отрасль использует устаревшие технологии 150-летней давности – 50% стали выплавляется с использованием доменных печей.

Отдельная, но не менее острая проблема – экологическая составляющая. Б. Гаврилишин, исследующий экономический аспект экологических проблем со времен создания «Римского клуба», приводит данные о месте Украины с точки зрения экологической безопасности. По рейтингу индекса экологической устойчивости (ИЭУ), представленного в 2001 году в Давосе, Украина из 122 стран оказалась на 110-м месте. Адаптация к требованиям совместной экологической политики ЕС – наиболее затратная для членов этого Союза. Переход к европейским стандартам для 10 стран, вошедших недавно в ЕС, только в сфере экологической политики потребует до 2010 г. 120 млрд евро, что соответствует в среднем 2,5% ВВП ежегодно. На смену бывшему «железному занавесу» на нашу страну может опуститься «экологический занавес», который отгородит ее от остальной части Европы [5].

Шестой фактор – культура и религия.

На сегодняшний день культура в Украине отвергает все, что было в многовековой истории нашего многонационального народа, и развивает только так называемую «национальную составляющую». Такая официальная политика властей приводила к цивилизованному противостоянию различных частей страны и к еще большему отдалению их друг от друга.

В Украине так и не достигнут общественный консенсус по многим важным для людей вопросам. Особо следует отметить, что практическая попытка реализовать идею, назовем ее условно «проект Галичина», в соответствии с которым наша страна должна развиваться на основе ценностей, сложившихся в Западной части Украины, была изначально обречена и потерпела крах.

С религией и того хуже, попытки властей создать свою поместную церковь привели к расколу и противостоянию в этой тонкой и деликатной сфере, а вновь образованная церковь не признается нигде и никем.

Между тем нравственная атмосфера, культура и ментальность населения в ИПМ занимают ведущее место, так как они реализуются в самоидентификации народа, которая остается очень острой и далекой от исторической правды. Петр Толочко в книге «Украина: государство или страна?» с болью отмечает, что проблема украинской самоидентификации остается столь острой и далекой от исторической правды не в последнюю очередь из-за вмешательства Запада, который как новый «старший брат» пытается лишить нас суверенного права на цивилизационную идентичность. В силу этого Украина оказалась наиболее слабым звеном восточно-славянского мира [6, с. 133–134].

Седьмой фактор. Наука и образование.

Унаследованное от Советского Союза высокое по мировым стандартам качество образования и науки за годы независимости существенно ухудшилось. Прикладные науки прекратили свое существование вместе с умиранием соответствующих производств, на фундаментальную науку денег нет. Специалистов переманивают в другие страны высокой зарплатой и возможностью заниматься настоящим делом, а оставшиеся живут, в основном, на зарубежные гранты, передавая в собственность заказчиков результаты своих исследований.

Восьмой фактор. Внешняя политика или геополитическая среда, помещена в многофакторной модели «Стратегическая матрица» последней. Между тем определение вектора стратегического развития отводит этому фактору первостепенную роль. Анализ внешней политики, геополитической среды – это огромная тема, требующая

специального исследования. Мы же ограничимся констатацией некоторых фактов. Не секрет, что до последнего времени Украина в своей внешней политике целиком и полностью ориентировалась на Соединенные Штаты Америки и в определенной степени – на Европу. Хорошо также известно, что внешняя политика США на украинском направлении имеет вполне определенную цель: использовать Украину как антироссийский фактор. Об этом говорит и академик П. Толочко в вышеупомянутом источнике «...американо-западноевропейское мессианство в Украине имеет вполне определенную политическую цель – отрыв Украины от России» [Там же].

Один из бывших вождей «оранжевого майдана» А. Кинах, разочаровавшись в его «идеалах», политику Украины в отношениях с Россией называл «реализацией внешнего сценария по ухудшению отношений» [7].

Победа на последних президентских выборах представителя Партии регионов заметно скорректировала внешнюю политику Украины – от полной ориентации на США, на многовекторность. Хотя новый Президент также повторяет «мантры» своего «оранжевого» предшественника о незыблемости европейского выбора, евроинтеграции и тому подобных политических клише, что не может не беспокоить ту часть поддержавшего регионалов электората, который традиционно нацелен на более тесные союзнические отношения с Россией.

Таков краткий обзор базовых факторов «стратегической матрицы» для Украины. Аналитики прогнозируют разброс значения интегрального показателя мощи для нее к 2025 году в диапазоне 3,3–1,5. От чего зависит уменьшение разброса, а лучше, как добиться его максимального значения?

Речь идет о стратегическом выборе Украины в третьем тысячелетии. Этот выбор отягощен значительным отставанием от передовых стран в областях: экономической, социальной, научно-технической, образовательной, политической. Поэтому главный вопрос, на который необходимо ответить: способно ли государство, население провести модернизацию? Сегодня этот термин не сходит с уст политиков и ученых в постсоветских странах, со страниц газет, экранов телевизоров и компьютерных мониторов. И хотя термин многим не

совсем понятен, он, помимо интереса, вызывает некую ассоциацию со знакомыми в нашей истории штампами типа «политика ускорения», «перестройка» и тому подобными призывами. И, вместе с тем, модернизация для постсоветских стран – вопрос не абстрактный, а жесткая, реальная необходимость. Приведем слова известного российского ученого академика Ю. С. Пивоварова, характеризующего современное состояние РФ: «Страна вступила в один из самых сложных по критичности угроз периодов своей истории. По скорости падения численности населения мы находимся на одном из первых мест в мире. У нас нет геополитических союзников, технологическое отставание усиливается, наука и образование слабеют, а промышленное производство не растет» [8, с. 5]. Под вопросом, драматизируют ситуацию отдельные авторы, выживание страны как отдельной общности. Это говорится о стране с несметными сырьевыми богатствами, валютными запасами в 0,5 триллиона, а самое главное, где все политические силы единодушны – альтернативы модернизации не существует.

Все сказанное российским ученым в многократной степени относится к Украине. За 20 лет независимости население уменьшилось на 6 млн человек, в геополитике Украина не субъект, а объект, деиндустриализация не остановлена, образование и наука деградируют. Энергетические ресурсы минимальны, государственный долг с корпоративным превышает 100 млрд дол., раскол страны по Днепру усиливается, политическое противостояние ожесточается, национализм приобретает все большее распространение, причем в наиболее одиозной донцовской форме – интегрального национализма. Поэтому и для Украины модернизация безальтернативна.

Так что это за феномен, как он согласуется с понятиями «новая индустриализация», «догоняющее», «опережающее развитие», «мобилизационный процесс»?

В условиях сформировавшихся относительно развитых государственных структур каждая из них всегда стремилась к лидерству, используя современные средства в различных областях общественной жизни. Так было и в эпоху премодерна, и в период модерна, тем более – в постмодерне, что мы наблюдаем на примере наиболее развитых стран Запада.

Сам термин «модернизация» (от фр. *modern* – современный) означает процесс непрерывного обновления, изменения, усовершенствования, отвечающего современным требованиям. Маркизу де Кондорсе (1710) приписывают определение модерна, модернизации как способности современных людей научно направлять перемены в обществе.

Правомерно рассматривать модернизацию в широком и узком значениях. В широком – это процесс многопланового обновления общества, его экономической, социальной, организационной, технико-технологической, гуманитарной составляющих. В узком – изменения, усовершенствования, отвечающие современным требованиям. (Трактовка энциклопедического словаря.) Понятие «современные требования» весьма неконкретны и требуют более определенной трактовки. Будем считать, что речь идет об уровне развития экономики, техники, технологии в передовых странах, которые находятся в третьей цивилизационной волне общественного развития, то есть в эпохе постмодерна. Модернизация же – это вторая волна технической революции, которая, по словам Э. Тоффлера «...подняла технологию на совершенно новый уровень, открыла двери для массового производства» [9, с. 60–61]. Одновременно, следует напомнить, породила и глубокие противоречия – экономические, социальные, экологические... Труд, рабочая сила остаются средством, а не целью, на некоторых производствах превращаются в придаток машины. Массовое производство привело к интенсивному вовлечению в оборот невозпроизводимых ресурсов, крайнему обострению экологических проблем, а нередко и к разрушению средств обитания человека, гибели природы.

В то время как третья цивилизационная, то есть современная для передовых стран, волна «...является одновременно и высокотехнологической, и антииндустриальной» [там же, с. 33]. Она проявляется в электронных технологиях, развитом программном обеспечении, цифровой форме преобразования информации, био-, нано- и лазерных технологиях. Это уже приводит к значительным изменениям в качестве жизни, развитии человеческого потенциала. Но утвердятся ли креативно-гуманистическая цивилизация в качестве мировой

тенденции, или третья волна породит новые противоречия между странами: передовыми и аутсайдерами, что уже четко просматривается сегодня?

К сожалению, приходится констатировать: среди государств-аутсайдеров научно-технологического прогресса находятся практически все постсоветские страны, хотя и с разными возможностями осуществления модернизации. Последнюю нередко связывают с концепцией догоняющего развития.

Именно так этот процесс характеризуют сегодня некоторые ученые.

В. Иноземцев считает, что «...с переходом Запада к постиндустриальной модели развития попытки развивающихся держав догнать его стали бессмысленными, так как в настоящее время это невозможно сделать» [10, с. 91]. Поэтому, подчеркивает он, надежды «...встать в один ряд с ведущими странами Запада», на что надеются политики постсоветских стран, «...это ошибочная и, рождающая завышенные ожидания точка зрения, реалистичность которой не подтверждается практикой» [10, с. 97].

В. А. Красильщиков считает, что для России (думается и для Украины) важно использовать опыт догоняющих модернизаций индустриальной эпохи, поскольку реальная для нее задача – реиндустриализация [там же]. То есть, речь идет о новой индустриализации по примеру развитых индустриальных, а не постиндустриальных стран.

Действительно, по оценке ряда аналитиков большинство постсоветских стран отстали от уровня развития западных государств на 50–70 лет, и концепция опережающего развития не имеет под собой объективных оснований. Только один пример. В 2007 году соотношение между среднечеловеческим ВВП Юга и Севера (развитыми и развивающимися странами) по ППС вернулось к уровню 1950 года (в ценах 2007 года), то есть произошла консервация этого показателя с семикратным разрывом. В абсолютных показателях разрыв увеличился в более чем в 4 раза (с 7780 до 32450 долларов США) [10, с. 98].

Не слишком ли категорично мнение о невозможности осуществить

концепцію опережаючого розвитку для таких стран, як Росія, Україна, Білорусія, Казахстан...

Ведь имеется опыт «стальной» модернизации в предвоенные годы, о чем шла речь выше. Или опыт послевоенного рывка СССР с освоением принципиально новых технологий?

Скорее правы те, кто считает – использование этого опыта в современных условиях невозможно в силу ряда причин. «Стальная» модернизация основана на чисто экстенсивных методах. Источники сегодняшнего дня принципиально иные. Они основаны на инновациях, доступ к которым по разным причинам для постсоветских стран затруднен.

И вместе с тем не все согласны, что для постсоветских стран нереальна задача прорыва в постиндустриальный мир. О том, что это реально, показывает опыт Китая. Даже в кризисные 2008–2010 годы эта страна ежегодно наращивает ВВП на 8–10%. (Украина в 2008 году потеряла 18% ВВП и около 24% промышленной продукции.) Западные корпорации вкладывают в предприятия, функционирующие на территории Китая не только огромные инвестиции, но приносят новые технологии. Г. Колодко приводит следующую статистику. За последние 30 лет Китай увеличил ВВП на душу населения с \$700 до \$8300. Если в предстоящие годы он сохранит такой темп, то к 2037 году ВВП на душу населения в этой стране составит \$97 000. Сегодня в Люксембурге этот показатель составляет \$60 000 [2, с. 104].

И далее Г. Колодко подчеркивает, что пример Китая – это последний «налет» на земной банк ресурсов. Никто и никогда больше не повторит такой взлет [там же]. Может это главная причина невозможности сравняться в уровне развития развивающихся стран с развитыми государствами. Если США, имея 4,5% населения от мирового, потребляет 40% земных ресурсов, Китай с 20% мирового населения еще 40%, то что остается остальным?

И все же модернизация как задача сокращения отставания от государств-конкурентов для постсоветских стран остается исключительно актуальной. В. Будкин выделяет четыре группы стран СНГ по их возможностям инновационного развития. К третьей он относит

Белоруссию, Казахстан и Украину, подчеркивая, что у последней нет таких источников средств, как у первых двух. Но наибольшие потенциальные возможности инновационного развития, по его мнению, имеет Российская Федерация [11, с. 16].

В чем проявляются преимущества РФ по сравнению с другими странами СНГ? Прежде всего в наличии ресурсов, в том числе финансовых, которые пополняются высокими ценами на нефть и газ, ибо, как считает В. Л. Иноземцев, модернизация в России должна состоять «не в развитии собственного технологического сектора, а в создании механизма усвоения технологий нашей промышленностью» [10, с. 91]. А технологии эти при наличии финансовых ресурсов можно закупать у стран-лидеров, поскольку рынки, в том числе технологические, сегодня открыты.

Ближайший период покажет, насколько весомым фактором в инновационном развитии станут финансы, но уже сегодня впечатляет многомиллиардный проект российской «Селиконовой долины» – Сколково, создаваемой практически с нуля.

Вот только не оставляют сомнения в возможности закупить новые технологии у передовых стран в условиях ужесточающейся конкуренции на мировом рынке.

Какой смысл для этих стран возвращать для себя будущих конкурентов? Здравый расчет подсказывает, что такие страны, если и готовы торговать на рынке технологий, то только теми элементами инноваций, с помощью которых выпускаются низко- и средне- технологические виды продукции. Страны-конкуренты всегда заинтересованы в относительной консервации отставания стран-аутсайдеров. А в отношении России – в первую очередь. Для них важно, чтобы Россия оставалась сырьевой экономикой, каковой преимущественно она остается сегодня. Поэтому для нее снять «ресурсное проклятие» – вопрос, без преувеличения, жизни и смерти. И, кроме ресурсов, скорее, в первую очередь, здесь нужна политическая воля, а также способность осуществить инновационную модель развития отечественной элитой.

Что касается первой, то она декларируется на всех уровнях. Президент России неоднократно подчеркивал необходимость

обеспечить благополучие страны не только сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами, «умной» экономикой, новейшими технологиями, продукцией инновационной деятельности.

Но в декларациях никогда не было дефицита. Остается наиболее важный вопрос, кто будет осуществлять модернизационный проект, кто главный субъект модернизации? Прежде всего – элита. О политической мы говорили. Какая еще? Приведем два мнения: М. Ходорковского и Ю. Пивоварова «... модернизаторами в России могут быть люди только созидательного, а не паразитически распределительного типа мышления» – говорит первый. А это «целый социальный слой – полноценный модернизационный класс.... Суммируя и обобщая исторический опыт различных модернизаций, можно утверждать, что численность модернизационного класса должна составлять не менее 3% трудоспособного населения. То есть в нашем случае – не менее 2 млн человек» [12, с. 79]. Вопрос, смогут ли эти 3% реализовать модернизационный проект, если остальные 97% – минимум равнодушны, а максимум просто враждебны ко всем модернизационным проектам? [Там же].

Более оптимистичен академик Ю. Пивоваров. По его данным, 20% российского населения ориентировано на демократические ценности и инновационную экономику. Самодеятельность и инициатива народа может быть прочной основой обновления России. «Если русские люди не захотят жить иначе, чем живут сейчас, ничего не изменится – никакой модернизации, несмотря на все призывы, не произойдет» [8, с. 5]. Нам представляется такой вывод излишне категоричным. Ибо люди, что дерево: из них и икона, и дубина – писал И. Бунин, все зависит от того, кто обрабатывает – Сергей Радонежский или Емелька Пугачев. Поэтому мы согласны с теми авторами, которые считают – от политической воли руководства зависит, если не все, то очень многое. И несмотря на времена печальный отечественный опыт мобилизационного сценария (от петровских реформ до советской индустриализации-коллективизации), нам импонирует мнение о необходимости использования механизма «принуждения к инновациям», что должно найти проявление в жестком государственном регулировании [13, с. 8].

Формы «принуждения» к инновациям политической элиты, бизнес-среды в демократическом государстве ничего общего не имеют с инструментами тоталитарных (авторитарных) общественных систем. Они зиждутся на принципе первенства закона «Dura lex, sed lex». Ибо отстранение или устранение государства от регуляторной деятельности, что случилось в 90-е годы XX столетия и в России, и в Украине, привело, как мы помним, к катастрофическим последствиям, что сполна ощущается и сейчас – в год 20-летия распада Советского Союза или независимости постсоветских стран.

Список литературы

1. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Дж. Сорос. – М., 1999. – С. 31.
2. Колодко Гжегож В. Мир в движении. Магистр / Гжегож В. Колодко. – М., 2009. – С. 76, 104.
3. Агеев А. И. Россия и Украина: между Сциллой матриц и Харибдой воль / А. И. Агеев // Бюл. Міжнар. Нобел. економ. форуму. – 2008. – № 1. – С. 47–54.
4. Горбулин В. Безопасность 2010 / В. Горбулин // Зеркало недели. – 2006. – № 48. – С. 6.
5. Гаврилишин Б. Опасность экологического занавеса / Б. Гаврилишин, В. Вовк // Зеркало недели. – 2005. – № 4.
6. Толочко П. Украина: государство или страна? / П. Толочко. – К., 2008. – С. 133–134.
7. Кинах А. Зима тревоги нашей / А. Кинах // Столичные новости. – 2008. – № 46.
8. Пивоваров Ю. С. Россия – это первая попытка построения цивилизации на Севере / Ю. С. Пивоваров // Известия. – 2009. – 16 июл. – С. 5.
9. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: Изд-во АСТ, 1999. – 261 с.
10. Модернизация в России в контексте глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 6. – С. 91, 97, 98.
11. Будкин В. Інноваційна модель розвитку національних економік / В. Будкин // Економіка України. – 2010. – № 6. – С. 16.
12. Плискевич Н. М. Тупики инструментальной модернизации / Н. М. Плискевич // Обществ. науки и современность. – 2010. – № 2. – С. 79.
13. Иноземцев В. Л. Работаем мы неэффективно / В. Л. Иноземцев // Известия. – 2009. – 14 июл. – С. 8.